

Человек и цифра: история соблазна¹

С. А. Смирнов

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

В статье обсуждается проблема влияния на человека процесса внедрения умных технологий в повседневность. В связи с этим автор обсуждает разные антропологические тренды, доминирующие в современности. Это тренд ухода, тренд защиты и тренд альтернативы.

Тренд ухода заключается в том, что под влиянием технологического развития человек все более предпочитает стратегию замены себя умным устройством, в перспективе — стратегию замены себя постчеловеком. Тренд защиты заключается в том, что человек выбирает стратегию защиты себя от умных технологий вплоть до их запрета и возврата к традиционным консервативным способам обитания. Третий тренд заключается в выработке антропологической альтернативы, предполагающей использование человеком умных технологий как партнера и помощника по развитию при сохранении человека как смысловой опоры мира.

Автор ставит вопрос о том, что ситуация фактически является принципиально открытой. Мы пока не знаем, какой тренд победит. Победит ли тренд ухода человека, отказа его от самого себя и замены себя постчеловеком, или победит тренд, альтернативный первому, то есть стремление человека сохранить себя и по-прежнему оставаться существом мыслящим, любящим и страдающим. Обсуждается понятие этической и гуманитарной экспертизы. Предлагается иное понятие — антропологической альтернативы.

Ключевые слова: человек, ситуация человека, соблазн, цифра, гаджет, умные технологии, этическая экспертиза, гуманитарная экспертиза, антропологическая альтернатива.

Проблемная ситуация

В настоящее время можно сказать, что сложилась цифровая среда как среда обитания. Для подрастающего поколения цифра давно стала той реальностью, в которой они живут. Точнее, необходимо говорить о смешанной, гибридной социально-цифровой реальности, в которой граница между социальным и виртуальным весьма пунктирна и не статична.

В такой реальности важным становится то, как выстраивается эта граница между привычным социальным миром и миром цифры. Как выстраивается взаимодействие между человеком и цифровыми умными устройствами и технологиями.

Уже проведены многочисленные исследования, в которых показывается влияние цифровых технологий, смартфонов и гаджетов на школьников и студентов, на их сознание, память, чувственную сферу, воображение, психосенсорику, когнитивные способности и др. [4; 14—19]. Пандемия показала наиболее рельефно то, как влияют онлайн обучение, самоизоляция, компьютерные технологии и Интернет на школьников, детей и подростков [5; 20].

Фактически все исследования показывают, что длительное пребывание в Интернете в режиме самоизоляции негативно влияет на когнитивные

способности, психосматику и качество развития подростков, школьников, студентов.

В то же время мы должны отметить, что вопрос заключается не в самой по себе длительности пребывания человека в Интернете, а также не в самих по себе цифровых технологиях.

Проблема заключается в том, что школа как институт в ее массовом составе не готова к цифровым технологиям. Встает вопрос не о том, чтобы внедрять или не внедрять цифровые технологии, а о том, что нужна новая модель школы в принципе, в которой учитель и ученик выступают партнерами по развитию. А ученик рассматривается как личность, выстраивающая с помощью взрослых (учителя и родителя) свою личностную траекторию. В такой практике навигации цифровые технологии оказываются как нельзя кстати, становясь умным помощником по образовательной навигации.

Школьники давно и независимо от школы и родителей живут в цифровой среде. Вопрос заключается не в том, чтобы запретить умные гаджеты и Интернет или насаждать их в школы. Вопрос заключается в том, чтобы выстраивать в новой гибридной реальности новый интерфейс школьник — гаджет, школьник — Интернет, учитель — школьник — цифра. Но разработанные ранее в доцифровую эпоху модели, используемые в педагогике и психологии развития, не вполне подходят для того, чтобы их использовать как объяс-

¹ Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103>.

нительные и описательные модели для понимания и выстраивания практик развития школьников в современной цифровой среде.

Строго говоря, в настоящее время у нас просто нет цифровой педагогики и психологии развития со своим предметом, методами, инструментарием, практиками и стандартами.

Для этого необходимо для начала начать выстраивать новые модели взаимодействия «учитель — школьник — цифра — орудие — знак — предметное действие», которых ранее просто не было. В них не было такой части, как цифра, которая больше, чем орудие и предмет, больше, чем книга, карта, калькулятор или доска с мелом. Цифра — это качество среды обитания. Причем у школьников и подростков виртуальный мир обитания превалирует над социальным миром, что радикально (часто — негативно) отражается на их социальных качествах, способности делать выбор, нести ответственность за себя и за другого. Уже происходит в настоящее время так называемый ценностный виртуальный сдвиг: ребенок, подросток выбирает разные образцы для своего поведения не в реальном социальном мире, не у родителей и учителей, а в виртуальном мире, он не умеет нести ответственность, не умеет совершать нравственный выбор, не умеет строить свою собственную ситуацию развития, потому что уже не живет в реальном ответственном мире. Для него центр событийности смещен в сторону виртуального мира, представленного для него как большой сверкающий гипермаркет, в котором присутствуют превращенные формы жизни, потому что готовые культурные формы, размещенные в виртуальном мире, необходимо осваивать, совершать усилие. А школьник их предпочитает брать как готовые вещи¹.

Это происходит потому, что ценностный центр для молодого человека в этом социальном мире перестает быть миром образцов для самоопределения и поступков. В итоге он выбирает образцы в виртуальном мире.

В этой связи встает задача о необходимости выстраивания в новой гибридной реальности принципиально новых моделей школы в целом, моделей взаимодействия учитель — ученик — родитель — руководитель школы в цифровой среде. В традиционной классно-урочной системе с дис-

циплинарной структурой такая новая модель не может быть выстроена.

В то же время в разговорах о влиянии цифры на человека мы увлекаемся тематикой про умные технологии и гаджеты. Кто-то реагирует на это всеобщим одобрением (ура прогрессу!), кто-то — негодующим запретом. И тогда десятки школ в нашей стране вдруг дружно начинают запрещать мобильники в классах. Школьник входит в класс — и гаджет на полку. Этакое принудительное разоружение: оружие сдать! Даже специальные полочки стали делать в классах, с ячейками. Очередное безумие. Очередное вопиющее признание собственного бессилия. Лучше запретить гаджет школьнику, чем пытаться хотя бы понять — что же с нами со всеми происходит?

Диагностика ситуации

А происходит то, что человек испытывает глубокий, неизбывный, смертельный, онтологический соблазн. Да, человек, переживает соблазн периодически. Это понятно. Но нынешний тренд развития, связанный с разработкой и внедрением умных технологий в повседневность, во все сферы жизнедеятельности, создает для человека в принципиально новую для него ситуацию, из которой он пока выходить не собирается. Более того, ему нравится этот соблазн. И бороться с ним он не торопится. Поэтому важнейшим вопросом становится не вопрос о самих по себе новых технологиях, цифровой школе, роботах-учителях, сетевых программах, виртуальной педагогике и проч.

Вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком, его базовой идентичностью, то есть с его мышлением, волей, воображением, памятью, то есть с его «высшими психическими функциями», которые делали и делают его самим собой?²

Дело в том, что человек впервые реально испытывает именно онтологический соблазн — он впервые испытывает искушение отказаться от самого себя. Он предпочитает не быть, он дает себе право не быть, то есть отказывается от своей собственной нормы.

Мы привыкли к тому, что каждый человек, являясь в этот мир, имеет шанс быть, сбыться,

¹ Например, миллионам молодых японцев поставлен психологический диагноз — зависимость от гаджетов. Уже появилось медицинское понятие «цифровое слабоумие». Более 90 % молодежи в мире «живут» в интернете, находясь там по 5—8 и более часов ежедневно. А какой-нибудь 5-летний внук осваивает на раз очередной умный гаджет и обучает этому своего деда.

² Во всяком случае, согласно богатой традиции развития культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, показано, что человек, овладевая орудием и предметным действием, формирует в себе «высшие психологические функции» и тем самым становится собой, человеком, обладающим мышлением и волей. Это показано на многочисленных примерах и практиках развития и описано в работах Л. С. Выготского и его учеников и соратников [2; 3; 12].

состояться как человек, реализоваться. У него всегда была такая амбиция — стать человеком! И все усилия образования и культуры как институций были направлены на это: Ты человек! Ты имеешь шанс и право быть человеком! Все мировые антропологические учения только про это и говорили, пытаясь разобраться в главном кантовском вопросе — что есть человек? Спор шел лишь о том, в чём специфика бытия человека. Но все же бытия! И такая онтологическая интенция понималась как норма человека¹.

Что же случилось? Бытие человека можно сдать в утиль. А самого человека поместить в музей в качестве экзотического существа, вымирающей особи. И провоцирует это его желание именно умный гаджет, цифра, забирающая его у него самого. Человек так увлекся техническим прогрессом, что по привычке, отдавая технике всё новые и новые функции и работы, постепенно стал отдавать ей и самого себя, свои умные функции, те, которые он выполнял ранее сам и которые делали его самим собой. Именно умному гаджету человек отдаёт свои привычные ему работы — он может более не делать того, что делал раньше: писать, считать, запоминать, работать, принимать решения и много чего ещё. Делая эти работы, он и становился собой. А теперь всё это можно отдать умной машине, которая год от года становится всё умнее и умнее. Мы называем этот процесс жизненным аутсорсингом [8; 9].

Но где же пролегает та онтологическая граница, переходя которую, отдавая всё новые и новые работы умной технике, человек в конце концов может исчезнуть как сущее? Мы уже подошли к этой черте? Ведь эта граница проходит не физически и не натурально. Она проходит в нас с вами, в нашем сознании и способе жизни. Мы в своём сознании уже перешли черту? Или ещё есть шанс не уйти из этого мира, а всё же остаться?

Но факт налицо. Человек, поддавшись соблазну, фактически впервые в своей истории ставит

¹ Человек в норме для нас есть такое представление, согласно которому человек осуществляет полное онтологическое размыкание к бытию, он открыт к бытию и благодаря этому в нем развиваются его личностные качества, такие, как нравственный этос, мышление, воля, память, воображение, чувственный мир и тем самым он формируется согласно собственной идее человека, понимаемой как смысловая опора мира. Человек же вне нормы готов на отказ от бытия, он стремится редуцировать свое существование к онтической реальности, уже — к эмпирическому существованию «тела желания» с его биологическими потребностями, в пределе — это существование биоида, у которого работают лишь две функции — страх и удовольствие (см. о бытии как норме, о норме человека [1; 6; 10; 11]).

себя на онтологическую границу — на границу себя как сущего, по ту сторону которой рождается Иное, иное существо по имени Постчеловек. И этому сущему Бог уже точно не нужен.

Тем самым на вопрос, что же происходит с нами самими, пока ответ получается такой: человек, испытывая онтологический соблазн и поддаваясь на него, сам же себя онтологически дезориентирует. Попав в ситуацию онтологического соблазна, возможности не быть, он, получая в свои руки умную, сверхумную игрушку, начинает всерьез полагать, что он может стать бессмертным, превратившись в постчеловека (киборга, мутанта, клона). Введя в себя нанороботы, он не будет болеть, о чём говорит идеолог трансгуманизма Р. Курцвейл. Всерьез обсуждается проект 120-летнего человека. Человек, полагая, что он победил (почти) смерть, а главное — страх смерти, он тем самым избавляет себя и от другого, главного своего собеседника — Бога. Постчеловеку Бог не нужен. А если Бога нет, то...

Тем самым был запущен (как следствие соблазна и дезориентации) мощный тренд — тренд ухода человека как активного субъекта, замены его умными техническими устройствами.

Уже обсуждаются операции и диагностика болезней без хирурга и врача. Растёт индустрия производства роботов-андроидов, которые выполняют функции и работы няни, учителя, гувернера, вахтера, тренера, медицинской сестры, курьера и т. д. Эпидемия коронавируса, кстати, в Китае всколыхнула ещё более волну разработок в области робототехники и искусственного интеллекта. Страх контакта рождает спрос на умного технического и не болеющего посредника-робота.

В школе и вузе не нужны преподаватели. Растёт, становится массовым тренд онлайн-обучения. На онлайн-курсы в том же МГУ записываются уже миллионы. На поле боя человек тоже уже не нужен. Он как активный солдат уходит с поля боя. Изобретается умное оружие. Строятся заводы-автоматы, цифровые двойники. Управление без управленца. Завод без рабочих. Повсеместно развивается беспилотная авиация, беспилотный транспорт. К 2035 году 65 % пилотов окажутся без работы — их заменят беспилотники.

Следствием тренда ухода становится и другой тренд — виртуализация. Но это не про то, что человек сидит в Интернете. Само по себе количество часов за компьютером или в соцсетях ни о чём пока не говорит. Главное в другом — в том, что основной ценностью и смыслом для человека становится именно присутствие, жизнь в Интернете, в виртуале. Ведь проблема не в том, что подростки сидят днями в сетях. Они там не сидят.

Они там живут! Проблема в том, что главная событийность и главная ценность их жизни перемещается для них туда, в виртуал. В этой привычной нам социальной жизни много проблем, нужно прилагать какие-то усилия, самому думать, за что-то отвечать, брать на себя ответственность, совершать поступки. А в виртуале всего этого не требуется. Там можно быть героем, не затрачивая усилий и ни за что не отвечая. Происходит ценностный сдвиг, смещение смыслового и событийного центра, смещение границы — и человек уходит туда, там он живёт, там он герой, там его любят.

Сила соблазна

Почему же сработала провокация умного гаджета? Почему цифра оказалась таким провоцирующим фактором, толкнувшим человека на такой радикальный соблазн? Попробуем ответить.

Да, так сложилось, что весь технический прогресс строился по логике органопроекции, строился на том, что человек стремился усилить себя, свое брэнное тело, свои способности. Он же от рождения слабее цыпленка. И по принципу органопроекции он усиливал, усиливал, усиливал себя, свои органы, наращивая и приделывая к себе всякие разные технические прилады и устройства. И вот вместо лопаты — умный экскаватор с процессором. Начинается ведь все со вполне простых и безобидных, но весьма нужных вещей. Перестал хорошо видеть — надел очки, потерял руку — надел протез. Заболели, сгнили зубы — вставил новые. Слабые больные органы — сделал им искусственные заменители. А новые материалы уже позволяют преодолевать отторжение имплантов. Человек, его органы, оказались в принципе заменимы. Он сам оказался в принципе заменим. И его это устраивает!

Схема «протеза» при понимании логики развития до сих пор остаётся базовой. И тогда вожди трансгуманизма возопили — человек заменим постчеловеком! Зачем нам больной, страдающий и смертный, когда можно сделать почти бессмертное существо? Дайте побольше денег — и мы решим эту задачу. И мозг сможем смоделировать. Они утверждают так именно потому, что для них человек — функциональное устройство, набор функций, хотя и сложных. А значит, его можно смоделировать и поместить в новое бессмертное тело.

Итак, первая причина соблазна и ухода: человек строил своё развитие по логике технического усиления себя с помощью орудий. И чем дальше, тем больше он развивал сферу техники, в результате чего не техника становится средством, а человек

становится приложением к машине. Ничего нового мы здесь вообще-то не сказали. М. Хайдеггер это говорил давно. И не только он. Но вопрос в том, что он и сам соблазна не избежал, когда в 1933 году стал ректором университета, вступил в члены НСДАП и крикнул: «Хайль!» А потом, грешный, всю жизнь отмывался. Ведь дело не в технике самой по себе. Дело в онтологическом изъяне нас самих.

А стало быть, есть и вторая причина, более глубинная.

Она заключается в том, что человек уже давно, когда-то однажды, в самом Начале, с сотворения себя Богом, уже испытал соблазн. Ведь как искушал его змей: «...нет, не умрете. Но знает бог, что в день, в который вы вкусите..., откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 2, 4—5).

Искушение уже состоялось. Еще тогда. И человек уже вкусил запретный плод. Что это означает? Это означает то, что большинство людей предпочитают относиться к миру как к объекту потребления, пытки, порабощения и захвата. И само познание он превратил в пытку объекта (природы) и его захват. Ты возьми — и станешь. Тебе можно! Не затрачивая усилий. Причем — именно тебе можно. Может, кому-то и нельзя. Но тебе можно — бери! И такое искушение испытывает всякий наедине с собой, когда на ушко ему шепчет искуситель: тебе можно. Соблазн велик. Можно взять — и стать! И без усилий. Просто взять. И не надо думать, работать, мыслить, чувствовать, отвечать, страдать. Можно и нужно брать — и тем сам ты получишь Силу и Власть. И... И тут подоспел умный гаджет, дающий (якобы) великую силу.

Но следующим шагом мы и попадаем в «Освенцим». Ведь страшно признать, но фашистские палачи-врачи, делавшие опыты над узниками концлагерей, с точки зрения классической науки, лишенной этических запретов (отношение к природе, к миру как к объекту, который нужно захватить, подчинить себе), проделывали абсолютно чистые эксперименты. Настоящие научные эксперименты над подопытными.

Мы привыкли, не замечая, быть может, того, что и саму жизнь, и научную деятельность, и искусство, и образование стали выстраивать по этой схеме овладения, ухватки, испытания, пытки, допроса: мы захватываем зрителя, читателя, ученика, подчиненного (заметим: мой сотрудник — это подчиненный!), добываем знания, технологии, осваиваем миры, другие страны, государства ради обладания. А знание и техника становятся орудиями захвата.

Метод допроса и испытания доминирует везде. ЕГЭ и вся идеология успеваемости в массовой школе — его яркое воплощение. Школу превратили в казарму. Металлоискатели, шмон на экзамене. Об унижении учеников никто и не думает. Как же, мы же за чистоту процедуры! А чего стоит запрет гаджетов в школах? Входишь в класс — сдать гаджет! Оружие на стол! О чем это все, господа?

Но человек хочет забыть, что именно переживая страдание, переживая и проживая боль утраты, горе, соболезнуя и сочувствуя, человек вырабатывает в себе человеческое, строит ту самую духовную органику, которой от первого рождения у него быть не может. Но отныне он не хочет страдать, думать, чувствовать, мыслить. Работа горя ему не нужна. Зачем? Но если раньше, испытывая соблазн, человек всё же работал, трудился, страдал, молился Богу, понимая, что это его удел, то сейчас он допустил, что страдания закончились. И пришло тысячелетнее царство блаженства. Раньше у него не было умного гаджета. А теперь он есть. И он освободит его от тягот земных. И наступит Царствие Небесное. И замаячила перспектива безболезненного существования без страданий. Чем не рай? Но рай не обретенный, не выстраданный, не обетованный. Его человек хочет получить как готовую вещь.

Самоопределение для исследователя

В этой ситуации исследователи фактически разделились на три лагеря.

Один лагерь, гуманитарно (гуманистически) ориентированные исследователи, радеющие за человека, пытаются как-то понять, исследовать последствия влияния умных технологий на него. Они понимают, что эта игрушка опасна. Они пытаются как-то во всём этом разобраться. Но выбирают при этом смешную стратегию — стратегию защиты этого существа, вора и надсмотрщика над миром, то есть человека. Его эти гуманисты хотят защитить от умных гаджетов, уберечь. Ученые что-то там замеряют, придумывают тесты, проводят лонгитуды по поводу того, что бывает, например, с молодыми людьми, когда те долго сидят в Интернете. И получают результат — снижается у них, у бедных, эмпатия. Да им до лампочки эта ваша эмпатия! Им нравится жить в Интернете! Они сделали свой выбор! Вы кого защищаете? Они не нуждаются в вашей защите!

А потому в научных исследованиях, посвященных тематике влияния на человека умных технологий, пока доминирует стратегия действия в духе этической экспертизы, базирующейся на идеологии защиты бедного человека от воздействия на него умных технологий.

При этом фактически почти все работы, особенно зарубежных авторов, не обсуждают антропологическую составляющую процесса внедрения и влияния умных технологий. То есть сам человек, предпочитающий это влияние, которому это нравится, не обсуждается. Он остаётся как сторона неизбежная, но якобы страдающая от воздействия на него технологий.

Поэтому рядом сформировался другой мощный лагерь — лагерь сторонников развития умных технологий и замены ими человека. Этот лагерь огромный, пестрый, мощный, с большими ресурсами. Вооруженный идеологией трансгуманизма. Про него мы уже фактически сказали. Сторонники этого лагеря как раз считают, что все нормально, так оно и должно быть. Такова логика исторического процесса. Человек должен уйти. В том смысле, что должен уйти человек старый, привычный, страдающий, болеющий, ветхий. И на его смену придёт другой, постчеловек.

Есть и третий лагерь. Но он крайне немногочисленный. Лишь некоторые авторы стали делать попытки разводить так называемую этическую и гуманитарную экспертизы (за неимением лучшего этот термин употребляется чаще). Зачастую в реальной практике проведения и описания гуманитарная и этическая экспертизы отождествляются. Пока это различие институционально и понятийно не закрепились (см. также [7; 13]).

Понятие гуманитарной экспертизы, кстати, в зарубежных исследованиях просто отсутствует. Западные авторы пишут о технонауках, техноэтике. В принципе отсутствует понятие и даже идея антропологической экспертизы. Последнее вполне объяснимо — ввиду того, что в исследованиях, как правило, отсутствует антропологический проект. Хотя я предпочитаю вообще говорить об антропологической альтернативе. Альтернативе тренду ухода человека.

Антропологическая экспертиза и альтернатива связаны не с защитой человека как слабого существа, а с выработкой разного рода антропологических практик испытания, преобразования, становления и развития человека, всякий раз восстанавливающих норму человека. Но такие практики требуют личного усилия, преодоления, преодоления. Проблема состоит в том, что сам человек в своём большинстве предпочитает отказываться от принятой ранее нормы быть человеком, предпочитает не прикладывать относительно себя никаких личных усилий, а потому предпочитает радикально сменить собственную идентичность. Ему нравится испытывать онтологический соблазн. Он не хочет отказываться от привычной ему стратегии уловок и захватов. Он не хочет

строить себе навигацию. Не желает торить тропинку личностного роста.

Поэтому необходимо выстраивать отдельные полигоны, отдельные классы и учебные предметы, на которых учителя и родители добровольно возьмут на себя риски по выстраиванию желаемой новой модели школы.

Что касается концепций для психологии и педагогики развития, то мы полагаем, что уже упомянутая культурно-историческая психология школы Л. С. Выготского обладает огромным исследовательским и объяснительным потенциалом, используя который, мы сможем выстраивать новые практики развития и обучения в смешанной социально-цифровой среде, отвечающие

современным вызовам. Об этом говорят и уже существующие теоретические работы, и первые исследования, проведенные в рамках традиции и концепции КИП отечественными и зарубежными авторами.

В ближайшей (лет в 50) перспективе, стало быть, так или иначе, но встанет вопрос: какой тренд побеждает? Тренд ухода или тренд альтернативы? Решать вопрос придется уже не нам. Но от нас зависит то, насколько точно и честно мы поставим диагностику ситуации человека и какой ответ этому вызову мы сформулируем уже сейчас.

Ведь если мы в прошлом сотворены по образу и подобию Божию, то почему мы в будущем хотим уйти из этого мира?

Список литературы

1. Аванесов, С. С. Человек в норме / С. С. Аванесов. — Новосибирск : Офсет, 2016.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. М. : Педагогика, 1982—1984.
3. Выготский, Л. С. Проблемы дефектологии / Л. С. Выготский ; сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т. М. Лифанова ; авт. коммент. М. А. Степанова. — М. : Просвещение, 1995. — 527 с.
4. Вятлева О. А. Влияние использования смартфонов на самочувствие, когнитивные функции и морфофункциональное состояние центральной нервной системы у детей и подростков (обзор литературы) // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. — 2020. — № 2. — С. 4—11.
5. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / В. Р. Кучма, А. С. Седова, М. И. Степанова, И. К. Рапопорт, и др. // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. — 2020. — № 2. — С. 4—23.
6. Смирнов, С. А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. — 2015. — № 11. — С. 38—49.
7. Смирнов, С. А. Антропологические границы гуманитарной экспертизы / С. А. Смирнов, Е. П. Яблокова // Философская антропология. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 26—44.
8. Смирнов, С. А. Умное тело или проблема развития человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Статья 1 / С. А. Смирнов // Культурно-историческая психология. — 2016. — Т. 12, № 1. — С. 4—13.
9. Смирнов, С. А. Умное тело или проблема развития человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Статья 2 / С. А. Смирнов // Культурно-историческая психология. — 2016. — Т. 12, № 4. — С. 100—112.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Республика, 1993. — 447 с.
11. Хоружий, С. С. Как обходиться без бытия или механика Латона / С. С. Хоружий // Вопросы философии. — 2013. — № 10. — С. 50—66.
12. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах / Д. Б. Эльконин. — М. : Ин-т практ. психологии, 1995. — 352 с.
13. Юдин, Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной / Б. Г. Юдин // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. — С. 214—237.
14. The brain in your pocket: evidence that smartphones are used to supplant thinking / N. Barr, G. Pennycook, J. A. Stolz et al. // Computers in Human Behavior. — 2015. — No. 48. — Pp. 473—480.
15. Sleep duration, restfulness, and screens in the sleep environment / J. Falbe, K.K. Davidson, R. L. Franckle et al. // Pediatrics. — 2015. — No. 135 (2). — Pp. 367—375.
16. “Impact of Adolescents” Screen Time and Nocturnal Mobile Phone-Related Awakenings on Sleep and General Health Symptoms: A Prospective Cohort Study / M. Forester, A. Henneke, S. Chetty-Mhlanga et al. // International journal of environmental research and public health. — 2019. — No. 16 (3). — P. E518.

17. Kelleci M. The Effects of Internet Use, Cell Phones and Computer Games on Mental Health of Children and Adolescents / TAF Preventive Medicine Bulletin. — 2008. — No. 7 (3). — P. 253—256.

18. Digital media may explain a substantial portion of the rise in depressive symptoms among adolescent girls: response to Daly / J.M. Twenge, T.E. Joiner, G. Martin et al. // Clinical Psychological Science. — 2018. — No. 6. — Pp. 296—297.

19. Impact of frequency of internet use on development of brain structures and verbal intelligence: longitudinal analyses / H. Takeuchi, Y. Taki, K. Asano et al. // Human Brain Mapping. — 2018. — No. 39. — Pp. 4471—4479.

20. School closure and management practices during coronavirus outbreaks including COVID-19: A rapid systematic review / R. M. Viner, S. J. Russell, H. Croker et al. // The Lancet Child & Adolescent Health. — 2020. — No. 4. — Pp. 397—404.

Сведения об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU», Новосибирск, Россия. *smirnoff1955@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).

Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 22—29.

Human and digit: the story of temptation

S.A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia. smirnoff1955@yandex.ru

The article discusses the problem of the impact on humans of the implementation of smart technologies in everyday life. In this regard, the author discusses various anthropological trends that dominate modernity. These are the trend of care, the trend of protection and the trend of anthropological alternative.

The trend of leaving is that under the influence of technological development, a person increasingly prefers the strategy of replacing himself with a smart device, in the long term — the strategy of replacing himself with a posthuman. The trend of protection is that a person chooses a strategy to protect himself from smart technologies up to their ban and return to traditional conservative ways of living. The third trend is the development of an anthropological alternative, involving the use of smart technologies by a person as a partner and development assistant while preserving a person as a semantic support of the world.

The author raises the question that the situation is actually fundamentally open. We do not yet know which trend will win. Whether the trend of man's withdrawal, his abandonment of himself and his replacement by the Posthuman, will win, or will the alternative trend to the first win, that is, the person's desire to save himself and still remain a thinking, loving and suffering creature. The concept of ethical and humanitarian expertize is discussed. A different concept is proposed — an anthropological alternative.

Keywords: *man, human situation, temptation, figure, gadget, smart technology, ethical expertize, humanitarian expertize, examination, anthropological alternative.*

References

1. Avanesov S. S. *Chelovek v norme* [Human in Norm]. Novosibirsk, Ofset, 2016 (In Russ.).
2. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols.]. Moscow, Pedagogika, 1982—1984 (In Russ.).
3. Vygotskij L.S. *Problemy defektologii* [Problems of Defectology]. Moscow, Prosveshchenie, 1995. 527 p. (In Russ.).
4. Vyatleva O. A. Vliyanie ispol'zovaniya smartfonov na samochuvstvie, kognitivnye funktsii i morfofunktsional'noe sostoyanie tsentral'noi nervnoi sistemy u detei i podrostkov (obzor literatury) [Influence of using smartphones on well-being, cognitive functions and morphofunctional state of the central nervous system in children and adolescents (literature review)]. *Voprosy shkol'noj i universitetskoj mediciny i zdorov'ya* [Questions of school and university medicine and health], 2020, no. 2, pp. 4—11 [in Russ.].
5. Kuchma V. R., Sedova A.S., Stepanova M.I., Rapoport I.K., Polenova M.A., Sokolova, S.B., Aleksandrova I.E., Chubarovskij V.V. Osobennosti zhiznedeyatel'nosti i samochuvstviya detei i podrostkov, distantsionno obuchayushchikhsya vo vremya epidemii novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19) *Voprosy shkol'noj i*

universitetskoj mediciny i zdorov'ya [Questions of school and university medicine and health], 2020, no. 2, pp. 4—23 [in Russ].

6. Smirnov S.A. Ontologiya cheloveka: ramki i topika [Ontology of man: framework and topic]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2015, no. 11, pp. 38—49 (In Russ.).

7. Smirnov S.A., Yablokova E.P. Antropologicheskie granitsy gumanitarnoi ekspertizy [Anthropological boundaries of humanitarian expertise]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 26—44 (In Russ.).

8. Smirnov S. A. Umnoe telo ili problema razvitiya chelovecheskoi telesnosti v situatsii zhiznennogo outsorsinga. Stat'ya 1 [Smart body or the problem of the development of human corporeality in a life outsourcing situation. Article 1]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 4—13. (In Russ.).

9. Smirnov S.A. Umnoe telo ili problema razvitiya chelovecheskoi telesnosti v situatsii zhiznennogo outsorsinga. Stat'ya 2 [Smart body or the problem of the development of human corporeality in a life outsourcing situation. Article 2]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2016, vol. 12, no. 4, pp. 100—112 (In Russ.).

10. Hajdegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being] Moscow, Respublika, 1993. 447 p. (In Russ.).

11. Horuzhij S.S. Kak obkhodit'sya bez bytiya ili mekhanika Latona [How to do without being or the mechanic of Latona]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 10, pp. 50—66 (In Russ.).

12. El'konin, D. B. *Psihicheskoe razvitie v detskih vozrastah* [Mental development in child ages] Moscow, Institut prakticheskoy psihologii, 1995. 352 p. (In Russ.).

13. Yudin B.G. Ot eticheskoi ekspertizy k ekspertize gumanitarnoi [From ethical expertise to humanitarian expertise]. *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke. V chest' 70-letiya Igorya Mikhailovicha Il'inskogo* [Humanitarian knowledge: development trends in the XXI century. In honor of the 70th birthday of Igor Mikhailovich Ilyinsky]. Moscow, NIB Publ., 2006. Pp. 214—237 (In Russ.).

14. Barr N., Pennycook G., Stolz J.A. et al. The brain in your pocket: evidence that smartphones are used to supplant thinking. *Computers in Human Behavior*, 2015, no. 48, pp. 473—480.

15. Falbe J., Davidson K.K., Franckle R.L. et al. Sleep duration, restfulness, and screens in the sleep environment. *Pediatrics*, 2015, no. 135 (2), pp. 367—375.

16. Forester M., Henneke A., Chetty-Mhlanga S. et al. "Impact of Adolescents" Screen Time and Nocturnal Mobile Phone-Related Awakenings on Sleep and General Health Symptoms: A Prospective Cohort Study. *International journal of environmental research and public health*, 2019, no. 16 (3), p. E518.

17. Kelleci M. The Effects of Internet Use, Cell Phones and Computer Games on Mental Health of Children and Adolescents. *TAF Preventive Medicine Bulletin*, 2008, no. 7 (3), pp. 253—256.

18. Twenge J.M., Joiner T.E., Martin G. et al. Digital media may explain a substantial portion of the rise in depressive symptoms among adolescent girls: response to Daly. *Clinical Psychological Science*, 2018, no. 6, pp. 296—297.

19. Takeuchi H., Taki Y., Asano K. et al. Impact of frequency of internet use on development of brain structures and verbal intelligence: longitudinal analyses. *Human Brain Mapping*, 2018, no. 39, pp. 4471—4479.

20. Viner R.M., Russell S.J., Croker H. et al. School closure and management practices during coronavirus outbreaks including COVID-19: A rapid systematic review. *The Lancet Child & Adolescent Health*, 2020, no. 4, pp. 397—404.